

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Благодарности	12
Глава 1. «Серый кардинал» старообрядцев:	
труды и дни инока Авраамия	14
Нижегородец	15
Рецидивист	18
Афанасий и Агафоник	23
Перемена декораций	28
«Крепко же житье проходил покойник...»	33
Фамилия, которой могло не быть, или диссергейт столетней выдержки	35
Снова скиталец	39
Не кот в мешке	43
Три казни	46
Реанимация	52
Юродивый и писатель	55
Длинное источниковедческое отступление... ..	61
...И очень краткий результат	81
Труды	82
Глава 2. «Дар всесвятого и поклоняемого Духа»:	
компиляция как авторское произведение	88
Свидетели баталий	88
Родословное древо рукописи	94
Синодальный или Уваровский?	104
Логика хаоса	111
Гипертекст	116
«...И кто говорит — плагиат, я говорю — традиция»	121
«Творческое цитирование»	125
По мотивам Максима Грека	132

Глава 3. Утверждая традицию:

древние авторы на страже старого обряда.....	138
Безупречный Максим.....	138
Лжеучители, псевдо-Златоуст и квази-Слово.....	148
Известный и неизвестный митрополит Фотий.....	156
«Изрядный» богослов.....	168
Идиллическое соседство: «латинская» и «антилатинская» повести... ..	175
«Яко имены сими являет гордый собор и победу их».....	185
Жизнь и канон.....	194
Учебником по противнику.....	203

Глава 4. Новые мученики и «безымянные» учителя:

товарищи по борьбе под редакцией Авраамия.....	214
Говорящее название.....	214
Непокорный Феоктист.....	217
Открытое письмо к товарищам.....	220
Новые мученики... ..	225
... И древние чудотворцы.....	237
Устами противника.....	242
Глас народа.....	251
Аввакумов черновик.....	257
Подмога с Соловков.....	261

Глава 5. Слово и дело Авраамиевы..... 265

«Свидетельства от божественных писаний».....	265
Прикладная эсхатология: конец света как средство борьбы за жизнь.....	273
«Непредсказуемое прошлое».....	285
Утопающий хватается за соломинку.....	298

Заключение..... 316

Приложение. Состав и источники глав сборника «Христианоопасный щит веры против еретического ополчения».....	320
Источники.....	333
Библиография.....	339
Список сокращений.....	351

ВВЕДЕНИЕ

Тема церковного раскола XVII в. не относится в современной России к числу сюжетов первостепенной важности. Хотя старообрядческое конфессиональное сообщество в сегодняшних реалиях являет собой вполне жизнеспособный организм, сохраняющий особенный колорит, раскол перестал быть значимым фактом общественной и религиозной жизни. Аввакум — единственное старообрядческое имя, знакомое каждому из школьного учебника; тягаться с ним в известности может, благодаря Василию Сурикову, разве только боярыня Морозова. Канули в лету и те времена, когда фигура «пламенного протопопа» вдохновляла своим пафосом борца против несправедливости и угнетения или, на худой конец, религиозного диссидента и нонконформиста.

Тем не менее, и вокруг этого эпизода российской истории еще ломается некоторое количество копий, причем его подлинный драматизм превращается иной раз в нехороший фарс. Если в эпоху споров о церковной реформе XVII в. чудеса творили призываемые обеими сторонами в помощь святые Божии угодники, сегодня волшебством занялись авторы исторических книг. То бояре с известной иллюстрации Клавдия Лебедева «Сожжение местнических книг по повелению царя Федора Алексеевича 12 января 1682 г.» сокрушенным взглядом провожают в печь старообрядческие манускрипты, то является параллельный мир с победившей «Хованщиной» и патриархом Никоном во главе старообрядческого движения. Основная проблема современных общественных дискуссий о церковной реформе заключается в том, что они чрезвычайно редко выходят за рамки сюжетов и фактов, ставших достоянием отечественной науки еще век-полтора назад.

Конечно, одна из причин тому — огромные заслуги дореволюционных историков и археографов. Научное изучение старообрядчества, зародившись в середине XIX в., к началу века XX-го, когда на этом поприще трудилось уже третье поколение исследователей, достигло впечатляющих результатов. Объем научных, публицистических, философских работ по старообрядчеству и церковной реформе патриарха Никона стабильно рос, вклад

в эту тему внесли и сами представители движения. В итоге к тому моменту, когда исследования искусственным образом прервались, общая картина событий уже выглядела довольно ясно. Как не соответствующее действительности было опровергнуто утверждение о старообрядцах-«неучах», отчаянно цеплявшихся за старые обряды и книги и отвергавших любую их правку. Было доказано, что «книжная справа» велась задолго до патриарха Никона, а первые старообрядческие вожди входили в так называемый «кружок боголюбцев», деятели которого выступали за возвращение к «древнему благочестию», поскольку ощущали явный религиозно-нравственный кризис общества. В полной мере стала ясна ориентация затеявшего реформы патриарха Никона не на древний, а на современный ему греческий обряд, по образцу которого и проводились изменения. В связи с этим открылся и истинный смысл самой церковной реформы, которая имела скорее политическую, нежели религиозную подоплеку. Детально был прослежен ход событий, начиная с первых нововведений Никона в 1653 г., и выявлена та немалая роль, которую сыграли в событиях греческие иерархи. В свете открытия, что русские религиозные обряды основывались на более древнем уставе, чем современные патриарху Никону греческие, старообрядческое сопротивление реформе предстало вполне последовательным шагом. Изучение материалов полемики выявило основную черту старообрядческого мировоззрения — эсхатологизм. В попытках понять его корни множество замечаний было сделано как о религиозной, так и о социальной природе движения.

Все это стало возможным благодаря тому, что интерес к теме питался активной публикацией исторических источников, связанных с проведением реформы, материалов церковных соборов, правительственных документов о борьбе с расколом, старообрядческих полемических сочинений, находившихся в частных и ведомственных коллекциях, а также найденных и приобретенных у самих старообрядцев. Здесь намеренно не названы имена многочисленных исследователей и публикаторов: специалисты по старообрядчеству и без этого наизусть помнят не только их, но и даты выхода в свет каждого труда и публикации источников. Для тех же, кто обращается к старообрядческой теме впервые, два имени требуют того, чтобы быть названными. Все то, что было накоплено дореволюционными исследователями о церковной реформе XVII в. и старообрядчестве, обобщено в двух прекрасных научно-популярных книгах. Одна из них — книга французского слависта Пьера Паскаля *«Avvakum et les débuts du Raskol»*, впервые вышедшая в Париже в 1938 г. Содержание ее гораздо шире биографического повествования о знаменитом протопопе. П. Паскаль создал портрет событий, представив Аввакума во взаимодействии с его соратниками и в борьбе с противниками, показав, чем жило российское общество в эпоху церковных реформ. Вторая — «Русское старообрядчество. Духовные движения

семнадцатого века» — увидела свет в Мюнхене в 1970 г. и принадлежит историку-эмигранту Сергею Зеньковскому. Обе стали доступны российскому читателю гораздо позже, чем написаны: труд С. А. Зеньковского был выпущен в России в 1995 г.¹; спустя полтора десятилетия после этого увидел свет и перевод книги П. Паскаля². Лучших обзорных трудов по истории церковного раскола, в которых увлекательность изложения сочетается со строгостью научного подхода, до сих пор не появилось.

Новая волна изучения уже собственно старообрядчества, начавшаяся со второй половины XX в., долгое время вдохновлялась и питалась впечатляющими результатами археографических экспедиций в районы поселений староверов. В это время исследователи сосредоточились не столько на обобщениях, сколько на скрупулезном изучении памятников старообрядческой полемической литературы. Благодаря интенсивной работе по выявлению, описанию и исследованию рукописного наследия старообрядцев был существенно расширен не только корпус источников, но и круг обсуждаемых научных проблем, а главное, выработаны современные подходы к изучению рукописного наследия старообрядцев, сочетающие анализ содержания сочинений с тщательным текстологическим изучением сохранившихся их списков.

Оказалось, что несмотря на кажущуюся изученность темы и наличие обобщающих работ, дореволюционные историки оставили после себя обширное поле для деятельности. Издания источников, без которых до сих пор нельзя представить себе ни одну работу о старообрядчестве, — прежде всего, фундаментальный девятитомный труд «Материалы для истории раскола за первое время его существования», выпущенный под редакцией профессора Московской духовной академии Николая Ивановича Субботина³, — стали устаревать уже в начале XX в. Подготовленное в 1916 г. Петром Семеновичем Смирновым и Яковом Лазаревичем Барсковым собрание сочинений протопопа Аввакума⁴ должно было открыть новый этап в этом направлении, но исторический процесс повернул дело иначе.

Работы второй половины XX в. наглядно показали, что отдельный список произведения способен порой если не поменять, то сделать значительно четче общую картину, казавшуюся вдоль и поперек изученной. Яркий тому пример — изучение творчества протопопа Аввакума, личность которого вполне предсказуемо оказалась в центре новой волны старообрядческих исследований. Второй Пустозерский сборник с автографом протопопа

¹ *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество: Духовные движения 17-го в. М., 1995.

² *Паскаль П.* Протопоп Аввакум и начало раскола. М., 2011.

³ *Материалы для истории раскола за первое время его существования*, издаваемые Братством св. Петра митрополита / Под ред. Н. Субботина. М., 1875–1890. Т. I–IX.

⁴ *Памятники истории старообрядчества XVII в.* Л., 1927. Кн. 1. Вып. 1 (РИБ. Т. 39).

(первый был найден еще в 1912 г.), Прянишниковская редакция Жития, новые, неизвестные ранее сочинения и документы и тщательное исследование уже известных ранее материалов — все это позволило по-новому посмотреть на, казалось бы, хорошо знакомые обстоятельства жизни и борьбы «огнепального протопopa».

Аввакум, по сложившейся традиции, является воплощением старообрядческого протеста, и это вполне справедливо, учитывая его яркую индивидуальность, драматизм судьбы, неповторимую литературную манеру. Притягательность личности Аввакума во многом способствовала тому, что интерес к нему не ослабевал даже в то время, когда пристальное внимание к религиозным движениям в отечественной науке (и в обществе в целом) не поощрялось. В отличие от Аввакума, многие его современники и соратники, такие как Иван Неронов, Лазарь, Никита Добрынин (Пустосвят) не могут похвастаться обширной традицией изучения своего наследия, которое до сих пор ждет исследователей. Больше повезло «соузникам» Аввакума — иноку Епифанию и дьякону Федору, а также участникам Соловецкого восстания.

Довольно очевидный постулат о том, что старообрядцы были совершенно разными людьми с индивидуальными характерами и судьбой, а также оригинальным стилем полемики, на деле нередко оборачивается сентенциями в духе: «Аввакум и все остальные». Между тем, при всей яркости и «нетипичности» Аввакума, другие властители дум из первого старообрядческого поколения лишь постольку выглядят массой «типичных представителей», поскольку до сих пор остаются в значительной мере на периферии научного изучения. Ранних старообрядческих вождей, оставивших после себя полемическое наследие, не так уж много, и все они, безусловно, заслуживают внимания уже потому, что старообрядческое движение питалось идеями и примером не одного только Аввакума. Не меньшее впечатление на современников и потомков производил протест соловецких иноков, с оружием в руках отстаивавших право на старый обряд; среди московских старообрядцев выделялись игумен Феоктист и инок Авраамий.

В 1994 году Наталья Сергеевна Демкова (сердцем ее научной биографии стало изучение литературного наследия протопopa Аввакума и его круга) в обобщающем докладе подробно описала актуальное на тот момент состояние исследований по раннему старообрядчеству¹. Многие из отмеченных ею моментов насущны сегодня в той же степени, что и треть века назад. Исследования затруднены тем, что современных публикаций старообрядческих

¹ Демкова Н. С. Тексты сочинений «отцов-основателей» старообрядчества, их архивные перемещения и хранения // *Она же*. Сочинения Аввакума и публицистическая литература раннего старообрядчества. СПб., 1998. С. 242–257.

сочинений XVII в. (в отличие от сочинений более позднего времени) чрезвычайно мало. Во многих случаях требуют проверки сведения дореволюционных историков об авторстве текстов. Возникают вопросы и с датировкой произведений, что влияет на изучение старообрядческих взглядов в динамике. Кроме того, работы филологов-литературоведов второй половины XX в. задали высокий стандарт изучения собственно текста, его содержания: понимание того, как устроен текст, позволяет эффективнее выявить и авторский замысел, и основную его интенцию. Описание этих проблем не является отвлеченным теоретизированием — все сложности работы со старообрядческим полемическим наследием будут показаны в этой книге. Словом, сколь бы притягательно ни выглядел пример П. Паскаля и С. А. Зеньковского, приходится констатировать, что на сегодняшний момент для обобщающего повествования подобного уровня требуется не одно исследование, посвященное всестороннему изучению личности и писательского наследия каждого старообрядческого полемиста в отдельности.

Советская наука огромное внимание уделяла социальному смыслу старообрядческого движения, однако, по понятным причинам и, надо думать, не всегда вполне искренне, интерпретировала его преимущественно в терминах классовой борьбы. При всей ограниченности такого подхода и его справедливой критике, вряд ли этот реверанс официальной идеологии стоит всерьез вменять в вину исследователям старообрядческих рукописей. Полемика с ними по вопросам исторического материализма нынче выглядит борьбой с ветряными мельницами. Заслуги советских исследователей старообрядчества, как уже было замечено, вовсе не в этом. Не лучше выглядит и другая крайность — рассматривать старообрядческое движение как порожденное исключительно религиозным сознанием его отцов-основателей. Поскольку история сознания сегодня, во многом благодаря наследию французской «школы “Анналов”», является популярным направлением в отечественной исторической науке, а старообрядческие сочинения с их неперменным ожиданием антихриста (идеей слишком экзотической для нашего религиозно-индифферентного современника) предоставляют для этого благодатный материал, возникает соблазн сделать далеко идущие выводы о фундаментальных чертах религиозного сознания XVII в. или шире — средневекового русского сознания (ведь старообрядцы позиционировали себя как ярых приверженцев старины).

Однако абсолютизация тезиса об отличии этого сознания от современного чревата игнорированием основных правил критики источников, когда все, что утверждается носителями «другой картины мира», воспринимается как их глубокая внутренняя убежденность и принимается на веру, а контекст высказывания привлекается от случая к случаю, дабы подтвердить

мысль об «инакости». Да, средневековое сознание опиралось на религиозную картину мира, но это не мешало его носителям преступать церковные каноны под прикрытием самой что ни на есть благочестивой риторики. И если старообрядцы, видя в церковной истории примеры таких поступков, склонны были объяснять их происками дьявола, а то и попросту «сребролюбием и корыстолюбием», иной наш современник скорее спишет их на изощренную логику религиозного сознания, нежели заподозрит его носителей в прагматизме.

В случае со старообрядцами осторожность в обращении с их высказываниями актуальна еще и постольку, поскольку подавляющая часть старообрядческого книжного наследия — это полемика, т. е. сочинения не просто с отчетливо выраженной тенденцией, но тенденцией, которая осознавалась и прямо позиционировалась их авторами. Некоторые доводы старообрядцев могут казаться сказочно-иррациональными, но использование этих доводов для достижения своих целей отлично согласуется со здравым смыслом.

Жизнь первого поколения старообрядцев, как принято считать со времен, когда и историческая наука, и литературоведение были излишне социологизированы, протекала в определенных условиях. Старообрядцы, описывая эти условия, нередко прибегали к символическому языку религиозной традиции, в которой существовали они и их оппоненты. Это отнюдь не означает, что сам этот язык, то есть использовавшаяся «вневременная» риторика, был тождественен восприятию текущей ситуации. Борьба за отмену реформ — как посредством обращений к церковной и светской власти, так и с оружием в руках — характеризует представителей первого старообрядческого поколения как людей, хорошо умевших оценивать условия, в которые поставила их судьба, и, исходя из этих условий, принимать решения и действовать вполне разумно.

В основу книги легла кандидатская диссертация, защищенная в 2013 г. Конкурс РГНФ-РФФИ по созданию научно-популярных книг натолкнул меня на мысль переработать исследование, дабы сделать его понятным и интересным кругу читателей несколько более широкому, чем специалисты по старообрядческой книжности и представители старообрядческого профессионального сообщества. Размышления о том, чем Авраамий мог бы заинтересовать нашего современника, привели к «смене оптики». Вместо того, чтобы изучать его труды как источник по старообрядческой идеологии, мне захотелось увидеть в них личность самого инока, «заснять» ее в очень краткий момент жизни, когда Авраамий уже вышел на стезю публичной полемики, но еще не оказался за это в тюрьме, понять, какие его решения стоят за текстом. В связи с этим не могу не упомянуть о книгах, послуживших для

меня высокими ориентирами: это «Люди и нравы Древней Руси» Бориса Александровича Романова, исследование Карло Гинзбурга о мельнике Меноккио и «Путешествие за редкими книгами» Николая Николаевича Покровского. Какие-то места моей книги, возможно, покажутся моим коллегам чересчур подробным изложением известных вещей. Тем не менее, все, что касается Авраамия, — результат оригинального исследования, и своей задачей я вижу не только сделать доступными его результаты, но и показать методы, которыми эти результаты достигнуты.

На протяжении всей книги инок Авраамий и его единомышленники называются «старообрядцами» или «староверами». Оба термина не вполне корректны с исторической точки зрения: в XVII в. оппоненты патриарха Никона так себя не называли, поскольку выступали они за отмену нововведений и восстановление «истинной веры», искаженной этими реформами (хотя словосочетание «старая вера» в их трудах встречается). Волею судьбы они стали «отцами-основателями» нового движения, лишь впоследствии получившего название «старообрядческого». Признавая этот факт, тем не менее, в употреблении обоих названий я не вижу сколь-нибудь серьезной проблемы. Во-первых, нам известны и другие примеры устоявшихся исторических наименований, появившихся гораздо позже обозначенных ими явлений. Так, название «Избранная Рада» применительно к окружению Ивана Грозного 1540–50-х гг. Андрей Курбский придумал уже после того, как его члены попали в опалу; именование последователей скитского подвижника XV в. Нила Сорского «нестяжателями» возникло в XIX веке; исследовательскими по происхождению (хотя и имеющими основание в источниках) являются термины «Боярская дума» и «Земский собор». Пример из более поздних времен: декабристами участников восстания 1825 года стали называть хотя и вскоре, но уже после совершившихся событий. «Старообрядцы» применительно к деятелям XVII в. — столь же устоявшийся термин с прочной научной традицией. Во-вторых, в отличие от «раскольников», термины «старообрядцы» и «староверы» не имеют отрицательной коннотации, они не столь громоздки, как, безусловно, более корректные словосочетания вроде «противников церковной реформы патриарха Никона», и не столь специфически конфессионально окрашены как, к примеру, термин «древлеправославие». В качестве последнего аргумента, подобно моему герою (должен же был предмет исследования хоть как-то повлиять на меня), сошлюсь на авторитет академика Н. Н. Покровского, от которого мне неоднократно приходилось слышать и слово «старообрядец», и слово «старовер» применительно к деятелям XVII в.

Благодарности

Мое знакомство с иноком Авраамием никогда бы не состоялось, если бы не Наталья Сергеевна Гурьянова, не только щедро подарившая мне тему для изучения, но и открывшая для меня мир раннего старообрядчества, археографии, источниковедения, рукописных отделов библиотек и архивов. Готовя исследование и защиту диссертации, я неизменно ощущала постоянное и заинтересованное внимание Натальи Сергеевны, которая воспринимала мои успехи и трудности так близко к сердцу, как будто они были для нее своими собственными. Ее помощь и поддержка в овладении навыками исследования старообрядческих сочинений были и остаются для меня бесценными.

Большим счастьем я почитаю выпавшую мне возможность общения с «патриархами» изучения старообрядчества — академиком Николаем Николаевичем Покровским и Натальей Сергеевной Демковой. Их мнение о работе, с которой они оба успели ознакомиться, прежде чем перейти в вечность, быть может, было авансом молодому исследователю, но придавало мне сил в моменты сомнений.

Помимо Новосибирского государственного университета, своей *alma mater* я с полным правом могу назвать сектор археографии и источниковедения Института истории СО РАН. Не могу не поблагодарить за советы, консультирование, поддержку и доброе ко мне отношение бывших и нынешних его сотрудников: Наталью Дмитриевну Зольникову, которая, к сожалению, уже не увидит выхода книги в свет, и ныне здравствующих Любовь Васильевну Титову (с которой, благодаря близости исследовательских тем, я ощущаю особенную профессиональную солидарность), Людмилу Ивановну Журову, Тамару Васильевну Панич, Ольгу Дмитриевну Журавель, Станислава Геннадьевича Петрова, Николая Алексеевича Старухина, Наталью Петровну Матханову, Александра Христиановича Элерта, Илью Александровича Шипилова.

Мои оппоненты на защите — Алексей Геннадьевич Мосин и Валерия Анатольевна Есипова не только дали советы и выразили пожелания

по поводу дальнейшей работы, но и подали несколько ценных идей, в каком направлении ее вести. Надеюсь, что мне удалось их реализовать. Благодарю также рецензентов этой книги — Юрия Сергеевича Белянкина и Марию Валерьевну Першину.

Поскольку Новосибирск находится очень далеко от мест хранения тех рукописей и книг, которые время от времени нужны были мне в работе, а возможности моих поездок были весьма ограничены, не могу не упомянуть добрым словом тех, кто оказывал мне помощь в получении необходимых сведений и копировании. Известия из первых рук от Ю. С. Белянкина о его археографических находках позволили мне уточнить историю одного из произведений инока Авраамия. Ольга Валериевна Светлова приняла деятельное участие в обсуждении палеографических особенностей рукописей и сделала множество полезных замечаний к тексту книги. О. В. Светловой, а также Андрею Васильевичу Гушину, любезно скопировавшим для меня труднодоступные статьи, я обязана одним из историографических открытий. Свой небольшой, но необходимый вклад в мою работу внесли Татьяна Федоровна Белова и Маргарита Дмитриевна Коваленко.

За неизменно приветливое, порой неформальное отношение благодарю сотрудников Древлехранилища им. В. И. Малышева ИРЛИ РАН (Пушкинского Дома), рукописных отделов РНБ, БАН (Санкт-Петербург), ГИМ, читального зала РГАДА (Москва), Музея книги ГПНТБ СО РАН (Новосибирск).

Много добрых слов должно быть сказано в адрес Натальи Владимировны Сосновой за ее попечение обо мне во время командировок в Санкт-Петербург.

Книга, вероятно, так и не была бы написана, если бы не ежедневно ощущаемая поддержка моей семьи. Всей душой приветствовал бы ее выход Федор Георгиевич Демидов, хорошей новостью книга стала бы и для Надежды Ивановны Кирилловой. Анисья Степановна Демидова часто интересовалась ходом работы и просила рассказать ей о старообрядцах. Деятельно разделили с нами, родителями, заботу о детях, тем самым позволив мне выкроить необходимое для работы время, Константин Михайлович Кириллов и Наталья Федоровна Демидова. Благодарю Алексея Константиновича Кириллова за самоотверженность и неизменную веру в мои силы.

Глава 1

«СЕРЫЙ КАРДИНАЛ» СТАРООБРЯДЦЕВ: ТРУДЫ И ДНИ ИНОКА АВРААМИЯ

«Чернец Авраамий возлюбленному другу Ивану Ивановичю радоваться. Возвести мир, молю, от худости нашей христолюбцу Кирияковичю купно со всеми его домашними. Его милостию христолюбца в великом покое до Москвы доволокся, в великом покое, в белой шубе, понеже велми тепло было; и целую убо и прочих всех христолюбцов, отец и братию наших духовных»¹.

Письмо к другу Ивану Ивановичу — единственный дошедший до нас документ, написанный, с большой вероятностью, рукой самого инока Авраамия². Об этом «первоапостоле старообрядчества»³, чьи сочинения читались по избам на протяжении трех столетий, сохранилось чрезвычайно мало свидетельств. Если, по остроумному замечанию П. Паскаля, о жизненном пути протопопа Аввакума вне связи с церковной реформой «просто нечего было бы писать»⁴, то об Авраамии — верном его соратнике — не скажешь и этого. Бескомпромиссная, упорная, страстная полемика в защиту собственных убеждений, каковой она предстает в сочинениях инока, и стала его подлинной биографией, заслонив событийную канву жизни. Крупицы

¹ Здесь и далее, если это не оговорено особо, орфография и пунктуация рукописного текста передается в соответствии с правилами ТОДРЛ (публикуются в каждом томе). Цитаты из источников, опубликованных в дореволюционных изданиях, приводятся в современной орфографии, но с сохранением пунктуации публикатора.

² Письмо было найдено и опубликовано Я. Л. Барсковым, см.: *Барсков Я. Л.* Памятники первых лет русского старообрядчества. С. 70–71 (комментарии — с. 325–326). Ныне хранится в РГАДА, ф. 27 (Приказ тайных дел), № 606, л. 1–1 об. Здесь и далее оно цитируется по этой рукописи. Об атрибуции почерка см. замечание Н. В. Савельевой: *Шухтина-Савельева Н. В.* «Вопрос и ответ» инока Авраамия (К проблеме жанровой специфики произведений русской публицистики второй половины XVII века) // *Грузинская и русская средневековые литературы. Сб. статей.* Тбилиси, 1992. С. 245–246 (примеч. 1).

³ Эпитет принадлежит П. С. Смирнову: Памятники истории старообрядчества XVII в. (РИБ. Т. 39) С. LXVIII–LXXIX.

⁴ *Паскаль П.* Протопоп Аввакум и начало раскола. С. 41.

сведений, оставленных об Авраамии единомышленниками, намечают лишь общий контур этой жизни, не сообщая, какие условия и обстоятельства привели к тому, что Авраамий оказался в числе ревностных сторонников старой, «истинной веры».

Яркий контраст между немалым объемом наследия, оставленного Авраамием, и отрывочностью, а во многом — случайностью тех сведений, которые сообщали о нем современники, сыграл злую шутку с его посмертной судьбой. Все в сочинениях инока свидетельствовало и свидетельствует о нем как о личности неординарной и влиятельной, сыгравшей в истории старообрядчества не последнюю роль. Это обстоятельство время от времени подогревало к Авраамию интерес со стороны исследователей, не скупающихся на сильные эпитеты в его адрес. Однако малочисленность биографических деталей не раз ставила тех же исследователей в положение героини Льюиса Кэрролла, созерцающей улыбку без кота.

Еще на рубеже 50–60-х гг. XIX в., когда в исторической науке только забрезжил интерес к старообрядцам и фигура инока Авраамия наряду с остальными тут же выглянула на свет, стало ясно, что без биографии не обойтись. То, что произошло далее, временами напоминает захватывающий детектив, где главному герою не один раз приходится сменить лицо, следствие периодически заходит в тупик, улики нежданно-негаданно находятся в мешке с полуистлевшими бумагами, а вдобавок ко всему конкуренты похищают только что оконченную рукопись.

Попытка извлечь нить жизни Авраамия из клубка догадок, нагроможденных его биографами, становится особенно интересной с учетом того, что биографы нередко ограничивались энциклопедическими справками, не давая себе труда объяснить, на каких источниках основано то или иное утверждение и в какой степени оно достоверно.

Нижегородец

Необходимость поставить дело духовного образования на широкую научную ногу, а заодно и вооружить миссионеров — борцов с расколом новейшими методами ученой дискуссии привела к тому, что в середине XIX в. именно в церковной среде тема раскола Русской церкви в XVII в. стала стремительно приобретать популярность¹. Не только на церковный

¹ В дореволюционной историографии старообрядчества традиционно выделяют два направления — синодальное (церковное) и демократическое (народническое), которые зародились практически одновременно, но отличались друг от друга как концептуальными подходами к изучению раскола, так и тематикой. В изучение раннего старообрядчества и открытие для науки и общества сочинений первого поколения староверов наиболее весомый вклад внесли представители синодального направления. О нем см. работы: *Молзинский В. В.* Старообрядческое движение второй

алтарь, но и на «алтарь науки отечественной» торжественно и благоговейно возлагал свой пионерский в этой области труд под названием «История русского раскола» его автор — митрополит Макарий (Михаил Петрович Булгаков), в то время — ректор Санкт-Петербургской духовной академии¹. Среди противников никоновской реформы — тех, кто удостоился от высокопреосвященного историка звания расколоучителя (не простого раскольника, а пропагандиста, оказавшего заметное влияние на умы старообрядцев) — был упомянут

...в пределах нижегородских... постриженец Иосифова-Волоколамского монастыря — старец Авраамий, который нарочито пришел в Москву и подал государю челобитную на Никона².

Эта лапидарная характеристика, данная вскользь в длинном перечне таких же «расколоучителей», тем не менее, проторила именно ту дорожку, по которой будут двигаться последующие биографы инока.

Основным источником сведений для ученого архиерея послужил «Виноград Российский» — к тому времени уже довольно известный старообрядческий мартиролог, рукописный экземпляр которого имелся в его личной библиотеке. Семен Денисов, один из отцов-основателей выговской старообрядческой общины, создал этот словесный памятник старообрядческим мученикам в 30-е гг. XVIII в., спустя более полувека после начала раскола. Открыв главу «Об отце Авраамии нижегородском», нетрудно обнаружить, что ремарка церковного историка XIX в. находится от нее в явной текстуальной зависимости:

половины XVII в. в русской научно-исторической литературе. СПб., 1997; *Он же*. Очерки русской дореволюционной историографии старообрядчества. СПб., 2001; *Кузоро К.А.* Церковная историография старообрядчества: возникновение и эволюция (вторая половина XVII — начало XX в.) Томск, 2011. Проблемам дореволюционной историографии, связанным с изучением рукописного наследия, книжности и идеологии раннего старообрядчества, много внимания уделено также в историографических обзорах, предворяющих специальные исследования на эту тему, см., например: *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. М., 1995. С. 13–23; *Гурьянова Н.С.* Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 8–16; *Бубнов Н.Ю.* Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы и эволюция. СПб., 1995. С. 15–26. В поле зрения представителей демократического направления историографии деятельность инока Авраамия не попала, поэтому далее упоминаются лишь исследователи, принадлежащие к синодальному направлению.

¹ *Макарий (Булгаков М.П.), митр.* История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб., 1855. С. 2.

² *Там же*. С. 171.

Прежде всекрасныя труды постничества в Нижегородских пустынях у великаго и предивнаго отца Иосифа Ламенскаго показа. В послушании ревнив, в смирении красен, в терпении дивен показася. Таже ревностию о благочестии разжегся, к царствующему граду пришед, царствующему монарху жалобная писания подает на Никона и того последователей...¹

Преждевременно, однако, было бы говорить здесь о некритическом пересказе источника. Кроме «Винограда» митрополит Макарий располагал новейшей на тот момент публикацией деяний Московского собора 1666–1667 г. — того самого, на котором старообрядцы были осуждены. Описание собора, сделанное через некоторое время после его завершения, увидело свет стараниями члена Археографической комиссии Академии наук Николая Васильевича Калачева в 1853 г. — за два года до выхода «Истории русского раскола». В числе представших перед архиерейским судом в нем фигурировал

...иеромонах некий Авраамий из монастыря Пресвятыя Богородицы Казанския, села Лыскова, еже в Нижегородцком уезде,

вина которого состояла в том, что он

...сам о книгах исправленных соблажняшесе, и о иных прю держаше²,

то есть упорно отстаивал право совершать церковные службы по старым печатным богослужебным книгам, а не исправленным при патриархе Никоне. В «Деяниях» сообщалось далее, что иеромонах на соборе отрекся от своих взглядов и 30 мая 1666 г. был сослан в Троице-Сергиев монастырь на покаяние.

Единодушное указание на Нижегородский уезд как на место постоянного пребывания Авраамия двух независимых друг от друга источников, очевидно, стало для митрополита гарантией их взаимопроверяемости и навело его на мысль, что речь идет об одном и том же лице.

Хотя имя Авраамия, конечно, не раз встречалось ученому архиерею в старообрядческих рукописях из его собственной коллекции, однако в «Истории русского раскола» он ни словом не обмолвился об их существовании — не исключено, что в то время митрополит Макарий

¹ РГБ, ф. 173.IV (собр. МДА), № 43 (XVIII в.). Л. 76 об. Хотя в 1906 г. «Виноград Российский» был издан типографским способом, рукопись, с которой был сделан набор, является случайной. Поэтому здесь и далее он цитируется по рукописи, электронная копия которой ныне находится в открытом доступе. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01005372535#?page=93> (дата обращения: 01.09.2019).

² Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (далее — ДАИ). СПб., 1853. Т. 5. С. 458.

не отождествлял нижегородского раскольника с популярным в старообрядческой среде автором полемических опусов. Однако этот шаг был сделан довольно скоро: уже в 1857 г. другой высокопреосвященный историк — архиепископ Филарет (Дмитрий Григорьевич Гумилевский) разглядел в «нижегородском лысковском монахе» автора двух старообрядческих сочинений — Челобитной 1670 г. и «Послания к боголюбцу», что дало ему основание причислить Авраамия к наиболее заметным писателям XVII в.¹

Так фигура Авраамия стала обретать контур: нижегородец, постриженник Иосифо-Волоколамского монастыря, осужденный Большим Московским собором старообрядческий пропагандист, писатель.

Рецидивист

Содержание полемических опусов Авраамия, как, впрочем, и многих других деятелей первого поколения старообрядцев, в это время, разумеется, было доступно потенциально заинтересованной в них публике только в рукописях. Лишь в 1861 г. в сугубо научных целях впервые увидело свет знаменитое «Житие протопопа Аввакума», печатанию которого предшествовало продолжительное общение издателя с цензурой². А чуть ранее в этом же году вышло «Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками» ректора Саратовской духовной семинарии Александра Б[ровковича] (под этим своим мирским именем публиковался иеромонах, а позже — епископ Никанор), содержавшее подробный пересказ и общую характеристику старообрядческих сочинений XVII–XIX вв., в числе которых были и принадлежавшие перу нашего героя.

В старообрядческой рукописи из собрания митрополита Макария А. Бровкович нашел одно неизвестное ранее сочинение — «Вопрос и ответ», автором которого значился Авраамий. Оно оказалось щедрым на автобиографические подробности. Инок подробно описал только один, но зато чрезвычайно драматичный эпизод своей жизни: арест в Москве, случившийся 6 февраля 1670 г., и последовавшие за ним события: допрос, очные ставки, расстрижение и передачу в руки светских («градских») властей. Свой допрос Авраамий представил как словесное состязание простого чернец-старовера с облеченными властью противниками³, противопоставив обвинениям трех церковных сановников яростную, но безупречно догматически

¹ Филарет (Гумилевский Д. Г.), архиеп. Обзор русской духовной литературы: 862–1720. СПб., 1857. С. 241.

² Подробнее об этом см.: Мальшев В. И. История первого издания Жития Аввакума // Русская литература. 1962. № 2. С. 139–147.

³ Шухтина-Савельева Н. В. «Вопрос и ответ» инока Авраамия. С. 243–244.

обоснованную отповедь. А описание в убийственно-сатирическом тоне рукоприкладства митрополита Павла Крутицкого на одном из допросов по своей цитируемости навсегда оставило далеко позади все, что когда-либо было создано иноком:

И сие мое разсуждение Павлу митрополиту зело полюбилось: не усидел на месте своем, и востав прииде ко мне, и любезно мя от своего смирения почал подавать благословение, — взем мя левою своею рукою за бороду и нача браду мою крепко держати, паче же и терзати. И сие творя святитель, болезнуя о мне, исповедал брады моея, крепка ли есть, чтобы было за что держати, егда станет десницею своею благословлять; ведая свое крепкое благословение, сего ради держа мя, чтобы не пошатился от его благословения и о помост полатный не ушибся. Егда исповедал браду мою, начал десницею своею по ланитом моим довольно мя благословляти, да и по носу довольно мя благословил¹.

Содержание «Вопроса и ответа» однозначно давало понять, что написан он был по свежим следам от пережитого, в заточении. Благодаря указанной в нем дате ареста А. Бровкович отнес его создание к 1670 г.² В свете «Вопроса и ответа» также становилась понятной вступительная фраза «Послания к боголюбцу»:

Инок Авраамий, заключенный в духовном Содоме и Египте за слово Божие и за свидетельство Исус Христово...³,

которая означала, что и его Авраамий писал «за крепким караулом», в тюрьме, примерно в то же время⁴.

Убежденность А. Бровковича в принадлежности «Вопроса и ответа» именно тому самому Авраамию, герою «Винограда Российского» и деяний Московского собора 1666–1667 гг., имела текстологическое основание. Он обнаружил, что Семен Денисов был не просто знаком с содержанием «Вопроса и ответа», а взял его за основу жизнеописания Авраамия в своем мартирологе⁵. При этом искусная обработка в манере жития напрочь уничтожила первоначальный едкий полемический тон первоисточника, сообщив рассказу пафос восхищения перед бесстрашием старообрядческого мученика:

¹ Материалы для истории раскола. М., 1885. Т. VII. С. 391.

² Б[ровкович] А. (еп. Никанор). Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. СПб., 1861. Ч. 1. С. 20.

³ Материалы для истории раскола. Т. VII. С. 417.

⁴ Б[ровкович] А. Описание некоторых сочинений. Ч. 2. С. 57.

⁵ Там же. Ч. 1. С. 20.

О коликия ярости на сия словеса архиерей исполнися! Не ктому уже увещаний, не ктому ласкательными словесы к страдалцу беседует, но яко зверь некий, напрасно скочив, за браду страдалца всеяростно ухватив единою рукою, другую по ланитома преподобнаго отца не преподобный немилостивно заушаше...¹

Обнаружение этой текстуальной зависимости, казалось, снимало вопрос о достоверности сведений «Винограда Российского», коль скоро в их основе лежало повествование от лица самого героя. Однако тут внимательного и пытливого А. Бровковича подстерегли первые из многочисленных противоречий, которые в дальнейшем будут регулярно преследовать пишущих об Авраамии.

Во-первых, по «Винограду», инока взяли под стражу после подачи им неких «жалобных писаний» (челобитной) царю. Из «Вопроса и ответа» же следовало, что вина, вменявшаяся Авраамиию на допросах, состояла не в этом, а в возмутительной переписке со ссыльными старообрядческими вождями — протопопом Аввакумом, дьяконом Федором, попом Лазарем и иноком Епифанием, о чем «Виноград Российский» не обмолвился ни словом. Во-вторых, от взгляда А. Бровковича не укрылось и то, что «Виноград Российский» хранил полнейшее молчание об осуждении Авраамии на Большом Московском соборе, его покаянии и ссылке в Троице-Сергиеву лавру — то есть о том, что было известно из деяний этого собора.

Противоречия требовали объяснения, и А. Бровкович разрешил их... «арестовав» Авраамиию не один, а два раза. Он предположил, что первый раз инок попал в темницу за подачу челобитной, и этот арест закончился осуждением на соборе и ссылкой². Лаконичная формулировка вины Авраамии в «Деяниях» не противоречила такому суждению. Причиной второго ареста стало то, что инок в ссылке не утихомирился и взялся за старое, а вдобавок установил связи с пустозерцами. Нашлось и подтверждение этому знакомству — А. Бровкович обнаружил его в «Книге на крестоборную ересь» (современное общепринятое ее наименование — «Книга бесед»). Протопоп Аввакум, вспоминая в Пустозерске своих собратьев, умученных за «старую веру», упомянул и имя Авраамии:

На Москве старца Авраамиию, духовнаго сына моего, в костре сожгли³.

¹ РГБ, ф. 173.IV (собр. МДА), № 43 (XVIII в.). Л. 77 об. — 78.

² Б[ровкович] А. Описание некоторых сочинений. Ч. 1. С. 19.

³ Там же. Ч. 1. С. 18 (сноска 21–1). Ср.: «На Москве старца Авраамиию, духовнаго сына моего, Исаию Салтыкова в костре сожг[л]и» // Памятники истории старообрядчества XVII в. (РИБ. Т. 39). Стб. 248–249.

Поскольку сведения об «огненной казни» подтверждались сообщением «Винограда Российского» (Семен Денисов описал то, что осталось «за кадром» «Вопроса и ответа» — пытки и последовавшую вскоре казнь инока в срубе «огненным испалением»¹), в ремарке Аввакума инок узнавался без особого труда. Начало их близкого знакомства А. Бровкович приурочил предположительно к моменту «прихода» Авраамия в Москву из «Нижеградских пустыней» (впрочем, точно не датируя это событие, но очевидно, считая его состоявшимся до 1666 г.)².

Всего этого с лихвой хватило бы для того краткого биографического обзора, который сопровождал «Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками», но церковный историк напал на след Авраамия в еще одном старообрядческом памятнике — созданном на Выгу в 1720-е гг. «Житии инока Корнилия»³.

Старец Корнилий принадлежал к первому поколению старообрядцев, но в отличие от большинства своих единомышленников, не перешагнувших порог века, умер своей смертью уже в петровскую эпоху, достигнув весьма преклонного возраста и сумев избежать преследований. От его собственного лица «Житие» повествовало о старообрядческом собрании, состоявшемся в Москве «в доме некоего боголюбца», на котором присутствовал и Авраамий:

Некогда бывшу ми на Москве и некогда собравшимся отцем въкупе у некоего господина, потаенного христианина, гонения ради лютаго, начаша советовати о крещении: отец Спиридон Потемкин, архимандрит Покровской от убогих, соборныя отцы протопопы священно-Аввакум, Даниил, священноигумен Досифей, священноиерей Лазарь, священнодиякон Феодор, иноки Авраамий и Исаяя, и аз, грешный, Корнилий, — о никониянском крещении. И вси присудиша купно, что никониянское крещение за крещение не вменяти, и по апостольским и соборным правилом повелеваша паки совершенно крещати второе. Глаголаху сице: «Есть бо таковыя правила — и простолюдину повелевают крестити при нужды, не сущу иерею»⁴.

¹ РГБ, ф. 173.IV (собр. МДА), № 43 (XVIII в.). Л. 79 об. — 80.

² Б[ровкович] А. Описание некоторых сочинений. Ч. 1. С. 18.

³ Известно две редакции этого сочинения. Сведения об Авраамии находятся в первой из них, написанной келейником Корнилия Пахомием. Подробнее: *Брецинский Д. Н.* Житие Корнилия Выговского как литературный памятник и его литературные связи на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. XXXIII. С. 127–128.

⁴ *Брецинский Д. Н.* Житие Корнилия Выговского Пахомиевской редакции: тексты // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского дома: Сб. научных трудов. Л., 1985. С. 95–96.

А. Бровкович отнес это событие к периоду прихода Авраамия из Нижнего Новгорода в Москву, хотя и затруднился назвать его точную дату¹. Других источников, подтверждающих факт участия Авраамия в этом судьбоносном собрании, у церковного историка не было, но он счел это сообщение заслуживающим доверия. В самом деле, положение Авраамия, на равных с отцами-основателями раскола принимающего ответственные решения, как минимум, не противоречило самоутвердительным характеристикам инока в «Вопросе и ответе», которые он вложил в уста своих оппонентов:

А после меня старец Иоасаф новгородец был пред властьюми, и оне ему рекли: не ученик ли ты чернчишка того Авраамия?.. А после другой моей очной ставки власти говорили о мне братии нашей, кои перед ними после меня были: ведь у вас из еретишков тех толко Аввакум да чернчишко то Аврамей, да и те бедные, не позная истины, заблудили от правого пути!

Да и сказывал мне человек, думной говорил о мне: чернец умеет грамоте, да упрямылся не в деле. А подъячей, кой у дела был в те поры, как говорил я со властьюми, человеку доброму говорил: чернец Аврамей горазд грамоте, посрашил архиереев².

Правда, на поверку оказывалось, что заслуги Авраамия в качестве властителя умов и душ были не столь уж велики. «Вопрос и ответ» заслужил от церковного историка неутешительный вердикт: «Замечательного в этом сочинении нет ничего»³. Чуть более снисходительного отношения удостоилось «Послание к боголюбцу»: «В немногих чертах, набросанных искусною рукою... отчетливее и яснее» других изложил в нем инок основы учения об антихристе — таковым было главное достоинство сочинения в глазах ученого⁴.

В то время, когда А. Бровкович просил у своих читателей прощения за наскоро завершённый труд, писанный «неокрепшей рукой наставника в одном из учебных заведений»⁵, он, вероятно, и не подозревал, что его жизнеописание Авраамия минимум на четверть столетия станет обязательным для цитирования пунктом. Даже маститый архиепископ Филарет, раньше саратовского коллеги открывший сочинения инока, и тот — при подготовке третьего издания «Обзора духовной литературы» — не преминул сослаться на авторитет А. Бровковича⁶.

¹ Б[ровкович] А. Описание некоторых сочинений. Ч. 1. С. 18–19.

² Материалы для истории раскола. Т. VII. С. 413.

³ Б[ровкович] А. Описание некоторых сочинений. Ч. 1. С. 20.

⁴ Там же. Ч. 2. С. 61.

⁵ Там же. Ч. 1. С. III.

⁶ Филарет (Гумилевский Д.Г.), архиеп. Обзор русской духовной литературы: 862–1720. С. 244. См. также: Лебедев Е. Начало и распространение раскола в пределах

Афанасий и Агафоник

Между тем, в том же году, что и «Описание некоторых сочинений...», биографическая статья об Авраамии появилась и в первом томе «Энциклопедического словаря, составленного русскими учеными и литераторами». Под ней стояла подпись Павла Ивановича Мельникова (Андрея Печерского), чиновника и писателя, к тому времени уже успевшего прославиться борьбой с расколом, но еще не успевшего создать свою знаменитую дилогию. Статья опиралась, в основном, на тот же круг источников, что и биографическая справка А. Бровковича: деяния Московского собора 1666–1667 гг., «Виноград Российский», «Вопрос и ответ», хотя и, как это было принято в изданиях подобного рода, не называла их.

Противоречия, с которыми пришлось столкнуться саратовскому историку церкви, по всей видимости, не давали покоя и П. И. Мельникову. Хотя и ему единственный выход из логического тупика виделся в гипотезе о повторном аресте инока, сообщения источников он интерпретировал иначе. Причиной первого ареста, почерпнутой из деяний Большого Московского собора, он назвал пропаганду Авраамием раскола на нижегородчине. Причиной же второго — известные по «Винограду» «жалобные писания» инока, которые он отождествил с Челобитной, написанной Авраамием в 1670 г. (о ее существовании сообщал архиепископ Филарет, А. Бровкович же, по всей видимости, не был с ней знаком)¹. Надо признать: это не противоречило дате ареста (6 февраля 1670 г.), названной в «Вопросе и ответе» — но... лишь при самом беглом взгляде.

Нетрудно заметить, что при всем различии фактического результата и А. Бровкович, и П. И. Мельников опирались на единый источниковедческий принцип: они исходили из негласной убежденности в том, что жизнеописание Авраамия в «Винограде Российском» является вольной интерпретацией событий XVII в. позднейшим автором, и отдавали приоритет сообщениям непосредственных участников событий. Однако и мартиролог Семена Денисова также обладал пусть меньшей, но все же достоверностью. Проблема заключалась в определении ее основного критерия. И А. Бровкович, и П. И. Мельников избрали в качестве такового, в сущности, степень «сопротивляемости» материала: те сведения «Винограда», которые без особых швов могли встроиться в сообщения других источников, и были сочтены достоверными.

нижегородских // Нижегородские епархиальные ведомости. 1865. № 15. С. 19–21 (пересказывая А. Бровковича, автор отождествлял Авраамия с одним из основателей керженецких скитов); *Червянский И.* Старец Авраамий как учитель раскола // Тамбовские епархиальные ведомости. 1874. № 18. С. 691–703.

¹ *Мельников П. И.* Авраамий // Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и писателями. СПб., 1861. Т. 1. С. 266.